

DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114

Научная статья

Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии

А.Д. Несмашный, Ю.А. Никитина

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

Специальные экономические зоны (СЭЗ) Китая в Африке, тесно связанные с проектом «Один пояс, один путь», представляют собой слабо изученный феномен в международных отношениях. Авторы исходят из того, что традиционные для тематики СЭЗ направления исследований не учитывают специфики данного типа экономических зон, создаваемых на территории страны зарубежным государством (иностранных СЭЗ). Зачастую такие зоны возникают на территориях с ограниченной государственностью. Концепция территориальности, через призму которой некоторые исследователи рассматривают иностранные СЭЗ, на настоящий момент не в полной мере учитывает особенности этого феномена, что препятствует проведению глубокого анализа.

Цель настоящего исследования заключается в представлении нового теоретического осмысления иностранных СЭЗ и разработке соответствующего понятийно-концептуального аппарата. Предлагается обратиться к концепции гегемонии, основанной на обширной теоретической базе как китайских, так и западных исследователей, включая теорию гегемонистической стабильности, трихотомию власти Я. Сюэтуна и работы, в которых нашли отражение идеи А. Грамши. В развитие данных подходов авторами предлагается концепция «локальной гегемонии».

На основе эмпирического материала о СЭЗ, созданных Китаем в Маврикии и Замбии, проводится сравнительное исследование для выявления факторов успеха таких зон и изучения эффекта перетекания, который способствует развитию африканских стран. Отмечается высокий уровень развития институтов в Маврикии и сравнительно низкий — в Замбии. Подчеркивается роль месторождений меди в успешном функционировании СЭЗ в Замбии. В результате сравнения указываются причины неэффективности СЭЗ в Маврикии. Авторами делается вывод об эффективной применимости концепции локальной гегемонии к иностранным СЭЗ, выдвигается гипотеза об устойчивости таких зон и их эффективности с точки зрения развития государства, в котором они располагаются.

Ключевые слова: экономическая деятельность Китая в Африке, особые экономические зоны (ОЭЗ), СЭЗ, гегемония, экономическое сотрудничество, территории с ограниченной государственностью, международные режимы, новая схватка за Африку

Для цитирования: Несмашный А.Д., Никитина Ю.А. Локальная гегемония: китайские СЭЗ в Маврикии и Замбии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 97—114. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114

Research article

Local Hegemony: China's Special Economic Zones in Mauritius and Zambia

A.D. Nesmashnyi, Y.A. Nikitina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Chinese Special Economic Zones (SEZs) in Africa are part of the Belt and Road Initiative. They account for a fledgling research area in International Relations, with not much research on the topic. The authors regard traditional

© Несмашный А.Д., Никитина Ю.А., 2020



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

approaches in research of SEZs as incapable of grasping the difference between domestic (designed by the state on its own territory) and foreign (designed by a foreign state) SEZs. The concept of territoriality, though applicable only to foreign SEZs, has little to offer in terms of generating new knowledge.

The research paper endeavours to offer new theoretical and conceptual frameworks for the study of foreign SEZs. The research is based on concepts of hegemony by different schools of thought, including Hegemonic Stability Theory, the three types of hegemony by Yan Xuetong and Neo-Gramscianism. The authors introduce the concept of “local hegemony”. The authors also highlight the fact that most foreign SEZs emerge in territories of limited statehood (or create them).

In order to prove vitality of the concept, comparative research of China’s SEZs in Mauritius and Zambia is conducted. The authors point out relatively poor institutional development of Zambia and the existence of stable democratic institutions in Mauritius. The success of the Chinese SEZ in Zambia is also partially attributed to copper mining. Deriving from economic and institutional empirical data the authors try to detect success conditions of SEZs and analyze the related spillover effects that contribute to the development of African nations. The reasons behind the failure of the Chinese SEZ in Mauritius are traced. Authors conclude that the concept of local hegemony is suitable for studying foreign SEZs and suggest that zones of local hegemony could be sustainable and effective in terms of development.

Key words: Chinese economic activity in Africa, SEZ, Special Economic Zones, hegemony, economic cooperation, territories of limited statehood, regime theory, new scramble for Africa

For citation: Nesmashnyi, A.D. & Nikitina, Y.A. (2020). Local Hegemony: China’s Special Economic Zones in Mauritius and Zambia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 20 (1), 97—114. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-1-97-114

Введение

Многомодальный по своей сути китайский проект «Один пояс, один путь» (*кит. упр.*: 一带一路, *пиньинь*: yīdài yīlù) стал ответом коммунистического руководства на замедление темпов экономического роста КНР¹, которое говорит об исчерпании потенциала нынешней экономической модели страны [Гринин 2012]. Китай уже открылся для мира, активно выводя капитал на внешние рынки (уже в 2010 г. КНР занимала 5-е место в мире по прямым зарубежным инвестициям)². После объявленной в 2013 г. инициативы «Один пояс, один путь» китайские проекты вышли как на новый количественный (совокупные зарубежные инвестиции составили 566 млрд долл. США за 2008–2012 гг., 1076 млрд долл. США за 2013–2017 гг.³), так и на новый качественный уровень.

¹ Рост ВВП Китая замедлился до минимума за 27 лет // РБК. 15.07.2019. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5d2c0e729a794760cc6089a0> (дата обращения: 12.10.2019).

² China Go Abroad (7th Issue) // EY. April 2018. URL: <https://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/ey-china-overseas-investment-report-issue-7-en/%24FILE/ey-china-overseas-investment-report-issue-7-en.pdf> (accessed: 12.10.2019).

³ China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. 2019. URL: <http://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (accessed: 16.02.2019).

При этом КНР выходит на мировую арену не только с финансовыми ресурсами, но и с немаловажной в современном мире толерантностью к любого рода относительно устойчивым политическим режимам. Поскольку Китаю удалось выйти из группы догоняющих стран, он обладает уникальным опытом в экономической сфере, которым готов делиться. Механизмы, успешно работавшие в Шэньчжэне⁴ (специальные экономические зоны — СЭЗ), при перенесении, к примеру, на территорию Маврикия преследуют цели экономического развития местной экономики через привлечение иностранных инвестиций. Однако при этом они также предусматривают внешнее управление (со стороны КНР).

В обмен на помощь в развитии Китай стремится получить контроль и за счет него обеспечить конкурентные преимущества для своих компаний на быстрорастущих рынках, а также создать удобные логистические возможности, позволяющие организовать торговлю с соседними государствами. Рассматривая созданные в странах Африки китайские специальные экономические зоны, сохраняющие формальную открытость для инвесторов из любых стран, но преимущественно за-

⁴ Шэньчжэнь — одна из первых СЭЗ на территории КНР, средние темпы роста которой составили 37,14 % в 1980—2012 гг. [Тер-Акопов 2013].

действовавших именно компаниями из КНР, авторы статьи задаются вопросом, каким образом Китаю удастся или, в иных случаях, не удастся конвертировать свой потенциал [Арутюнова, Кирова, Попова 2014] в политэкономические выгоды.

Китайские СЭЗ в Африке изначально создавались в рамках политики предыдущего поколения — «Стратегии выхода» (*кит. упр: 走出去战略, пиньинь: zǒuchūqù zhànlüè*) [Dannenberg, Yejo, Schiller 2013], но отлично вписались в философию «Одного пояса, одного пути» и стали одним из основных элементов этой стратегии на Африканском континенте [Demissie 2017]. Начиная с 2007 г. китайские СЭЗ создавались в Замбии, Египте, Нигерии, Эфиопии, Джибути и на Маврикии. И если для Египта подобный проект является скорее уже привычным типом взаимодействия (отчасти такой аргумент применим и для рассматриваемого ниже Маврикия), для стран Африки южнее Сахары китайские СЭЗ представляют собой скорее новую форму сотрудничества, что позволяет актерам из Китая устанавливать свои правила игры.

Теоретическое осмысление СЭЗ

Специальные экономические зоны (иногда, в частности, в российской нормативной практике — особые экономические зоны (ОЭЗ)⁵) не являются новым феноменом, однако до сих пор в международных отношениях рассматриваются в рамках очень широких подходов. Данные зоны становятся местом взаимодействия различных субъектов мировой политики, важнейшими из которых являются государство и ТНК. СЭЗ, в которых доминирует государство, на территории которого и функционирует экономическая зона (назовем их «домашние СЭЗ» в противовес «иностранным СЭЗ»), не представляют интереса с точки зрения мировой политики. Напротив, иностранные СЭЗ⁶, функционирующие

в основном на территориях с ограниченной государственностью (иногда даже создавая их)⁷, являются новым, слабо исследованным феноменом.

Литература по иностранным СЭЗ немногочисленна и ориентируется только на анализ кейсов. Не проводя различий между двумя видами СЭЗ (домашними и иностранными), можно выделить три основных подхода к ним.

Первый подход близок к экономической географии и связан с проблематикой развития: изучаются вопросы эффективности СЭЗ и их влияния на экономическое и социальное развитие регионов и стран. В этой области представлены работы китайских [Zeng 2011; Wei 2000], индийских [Aggarwal 2012; Tantri 2013], российских [Zverev 2015; Maslikhina 2016; Корнейко, Пестерева 2016], западных [Sigler 2014; Sosnovskikh 2017] и других исследователей из незападных государств [Peña, Cruz, Moreno 2017; Pidorycheva 2017; Pastusiak, Bolek, Jasiniak, Keller 2018].

Второй подход предлагает иную перспективу — СЭЗ рассматриваются с точки зрения государственного управления. Поднимаются вопросы эффективности администрирования СЭЗ [Khan, Anwar 2017; Liuhto 2009], выделения земли под нужды СЭЗ [Ramachandraiah, Venkateswarlu 2011], режимов налогообложения. Значительная часть работ написана в контексте индустриальной политики [Galiullina, Sharamko, Andreeva 2018], государственного регулирования экономики [Oda 1984; Wang, Li 2013; Bakakin 2016].

созданные под влиянием ПИИ и программ содействия развитию) в классификации UNCTAD (см.: Special Economic Zones. Chapter IV. // UNCTAD World Investment Report 2019. 2019. P. 137. URL: https://unctad.org/en/PublicationChapters/WIR2019_CN4.pdf (accessed: 12.10.2019), одновременно большинство таких зон являются экспортно-производственными [Костюнина 2015: 61—62].

⁷ Под территориями с ограниченной государственностью понимаются субгосударственные территориальные единицы, в которых государство не обладает всей полнотой власти. Данная концепция представляет собой развитие понятия «несостоявшееся государство», однако более нейтральна, предполагая наличие подобных территорий как в странах Глобального Юга, так и в странах Глобального Севера (например, гетто в пригородах крупных городов) [Харкевич 2014].

⁵ Об особых экономических зонах: ФЗ от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 18.07.2017). СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/ (дата обращения: 12.10.2019).

⁶ Следует указать на то, что иностранным СЭЗ будут соответствовать OFDI/ODA-driven zones (зоны,

Третий подход наиболее близок к политической географии и заключается в рассмотрении СЭЗ через призму территориальности и пространственных практик. Территориальность может быть определена как наличие у организованной группы лиц претензий на власть над определенной территорией⁸. Данная тематика в настоящее время активно развивается в социальных науках в рамках исследований политических институтов, а также критической геополитики [Loewen, Raagmaa 2018; Окунев 2018].

В теории международных отношений наиболее весомой работой по территориальности является статья Дж. Рагги «Территориальность и прочее: проблематизируя модерн в международных отношениях», опубликованная в 1993 г. в журнале «International Organization» [Ruggie 1993]. Со статусом СЭЗ несколько перекликается описываемый Дж. Рагги статус дипломатических представительств [Ruggie 1993]. Работы в этой области предлагают не универсальные теории, а лишь анализ конкретных случаев [Arnold 2012; Doucette, Lee 2015; Shvetsov 2017; Brown 2019]. Впрочем, этот подход применим и к изучению иностранных СЭЗ.

Некоторые работы рассматривают правовые аспекты функционирования СЭЗ⁹. Наконец, отдельные работы, близкие к критическому подходу, рассматривают вопросы гендерного равенства [Pun 2004], соблюдения прав человека¹⁰.

⁸ Storey D. Territory and Territoriality // Oxford Bibliographies. 2017. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/view/document/obo-9780199874002/obo-9780199874002-0076.xml;jsessionid=5646030E8298DDADC90ABB005C85D59E> (accessed: 26.05.2019).

⁹ Creskoff S., Walkenhorst P. Achieving WTO compliance for special economic zones in developing countries // Washington, DC: World Bank PREM Notes: Trade. N 134, 2009. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/11122/483790BRI0prem10Box338903B01PUBLIC1.pdf> (accessed: 12.10.2019). См. также: [Zhang, Booth 2001].

¹⁰ Bain S. Special Economic Zones in Myanmar and the State Duty to Protect Human Rights. Geneva: International Commission of Jurists, 2017. URL: https://themimu.info/sites/themimu.info/files/documents/Executive_Summary_Myanmar-SEZ_Assessment-ICJ-Feb2017.pdf (accessed: 12.10.2019).

Литература, которая фокусируется на китайских СЭЗ в Африке, имея свои особенности, в основном вписывается в указанные подходы [Davies 2008; Bräutigam, Farole, Xiaoyang 2010; Bräutigam, Tang 2014; Scott 2013; Zeng 2015; Meng 2017], несмотря на совершенно другой статус этих зон. Например, статья Д. Брэutigама и Тан Сяояна в журнале «International Affairs» фокусируется на анализе СЭЗ через призму внешней политики Китая, его «мягкой силы» и энергетической безопасности [Bräutigam, Xiaoyang 2012]. Помимо рассмотрения в рамках исследований внешней политики Китая [Nicolas 2017] китайские СЭЗ в Африке были также затронуты в исследованиях по глобализации [Dannenberg, Yejoo, Schiller 2013].

Наличие политической проблематики китайских иностранных СЭЗ указывает на недостаточность подходов развития и госуправления для раскрытия этой тематики. Территориальность представляется недостаточно подходящей концепцией: за 20 лет с момента формулирования концепции Дж. Рагги в ее рамках не было разработано подходов, которые бы позволили исследовать СЭЗ. Поэтому предлагается обратиться к концепции гегемонии, которая успешно применяется для анализа глобальных и региональных международных систем в рамках теории гегемонистической стабильности [Gilpin 1981; Kindleberger 1981; Webb, Krasner 1989; Keohane 1984; Snidal 1985] и исследований в традиции Антонио Грамши [Cox 1981; 1983; Gramsci, Historical Materialism... 1993; Ариги 2006]. Китайские СЭЗ за рубежом представляют собой случаи гегемонии на локальном уровне.

Условия локальной гегемонии Китая

Для государств, которые наиболее зависимы от внешних инвестиций ввиду малого размера экономики, технологического отставания и своей репутации как коррумпированных недемократических плутократий (например, Замбия — 77-е место и статус «гибридного режима» в рейтинге The Economist за

2016 г.¹¹, 87-е место в рейтинге восприятия коррупции за 2016 г.¹², 98-е место в рейтинге Doing Business — 2016¹³), практически невозможен отказ от китайских инвестиций. Так, китайские инвестиции в Египет в 2016 г. составили около 2 млрд долл. США, или 0,6 % ВВП страны, а в Замбию — уже 3,5 млрд долл. США, или 16,6 % ВВП страны¹⁴. Данная ситуация ставит их в зависимость от Китая и заставляет принимать его условия. Благодаря этому Пекин получает возможность устанавливать свои собственные правила функционирования СЭЗ, которые имеют сходство с колониальными механизмами.

Тем не менее, обладая формальным суверенитетом и определенной свободой действий (отказ от инвестиций — тем более частичный — хоть и несет значительные издержки, почти во всех случаях не влечет за собой фатальных последствий), африканские государства отличаются от традиционных колоний. Складывается ситуация неполного подчинения Китаю, но его гегемонии, причем территориально ограниченной площадью специальных экономических зон. Для описания этого явления в статье вводится термин *локальная гегемония*. Территория, на которую она будет распространяться, называется *локусом*, а актор, который пользуется соответствующим положением, — *локальным гегемоном*.

Теоретическое осмысление гегемонии Китая

Концепция «гегемонии» на мировом уровне стала в последнее время достаточно

¹¹ Democracy Index 2016 // The Economist. 2016. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016 (accessed: 02.03.2019).

¹² Corruption Perceptions Index 2016 // Transparency International. 2016. URL: https://www.transparency.org/whatwedo/publication/corruption_perceptions_index_2016 (accessed: 02.03.2019).

¹³ Doing Business 2016 Measuring Regulatory Quality and Efficiency // World Bank Doing Business. 2016. URL: <http://russian.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/media/Annual-Reports/English/DB16-Full-Report.pdf> (accessed: 02.03.2019).

¹⁴ China Global Investment. GDP data // World Bank. 2019. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=EG-ZM> (accessed: 22.02.2019).

употребляемой в научном дискурсе по отношению к Китаю. Многими западными авторами Китай воспринимается как держава, бросающая вызов американской гегемонии [Layne 2008; 2018; Allan, Vucetic, Hopf 2018; Kim 2019], причем особо выделяется Африканский континент как сфера наиболее острого противостояния между США как текущим мировым гегемоном и Китаем как претендующим на гегемонию [Campbell 2008]. Даже китайские авторы поднимают вопрос китайского вызова американской гегемонии, присоединяясь к этому дискурсу [Xuetong 2006; Starrs 2018].

Отдельно хотелось бы обратить внимание на понимание гегемонии директором международного исследовательского института Университета Цинхуа Янь Сюэтуном. Опираясь на трихотомию власти в традиции древнекитайской философии, которая восходит к Сунь Цзы [Андерсон 2018: 215–216], Янь Сюэтун выделяет три типа гегемонии в ее западном понимании: «тирания», собственно «гегемония» и «гуманная власть» (*humane authority*). В его понимании в настоящее время США являются гегемоном, а Китаю в будущем необходимо осуществлять именно «гуманную власть». Принимая во внимание явную нормативность последнего понятия, в данной работе целесообразно объединить «гегемонию» и «гуманную власть» в одно понятие гегемонии, двумя видами которой являются принудительная и благожелательная гегемония (по аналогии с классификацией, которую в своей работе использовал Д. Снидал [Snidal 1985]). При этом на практике возможно сочетание обоих видов одним актором в системе.

Другая китайская концепция, хорошо знакомая русскоязычному читателю, — Поднебесная (*кит. упр. 天下, пиньинь: tiānxià*) — также заняла значительное место в современных китайских исследованиях по тематике международных отношений. Однако в их понимании концепция Поднебесной связана с «мандатом небес» (*кит. упр. 天命, пиньинь: tiānmìng*) и не так уже далека от концепции гегемонии, принятой в западном мире

[Callahan 2008]. Это вновь подтверждает уместность термина для описания активности Китая.

Новизна используемого в данной статье подхода состоит в переносе концепции гегемонии на локальный уровень. В отличие от региональной и глобальной гегемонии в данной статье идет речь лишь о гегемонии на ограниченной территории.

Гегемония, несмотря на частое некорректное использование термина, не является абсолютным «владычеством» (термин является наиболее удачным переводом противопоставлявшегося гегемонии древнегреческого «*arkhē*» [Андерсон 2018: 10–11]), но гораздо ближе к понятию «лидерство», которое, впрочем, также не в полной мере отражает весь инструментарий ведущего субъекта в системе. Следует отличать владычество, когда ни один другой субъект или ряд субъектов в системе не может действовать вразрез с интересами владыки, и гегемонию, при которой такое развитие событий возможно. Гегемон является самым сильным актором в системе и до определенной степени способен навязывать свою волю посредством принуждения и благожелательных действий. Ключевым понятием, необходимым для различения владычества, гегемонии и равновесия, является развитие конкуренции: чем больше власть крупнейшего субъекта, тем слабее конкуренция в системе.

Локальная гегемония: концептуальный аппарат

Необходимым условием возникновения и успешного функционирования режима локальной гегемонии является определенный уровень конкуренции. В случае ее отсутствия экстрактивные институты могут принимать наихудшие свои формы. Наличие же конкуренции вынуждает локального гегемона не только эксплуатировать ресурсы, но и обращать внимание на инвестиции в человеческий капитал, проявлять социальную ответственность, что несет для локуса, а в некоторых случаях (за счет эффекта перетекания¹⁵) и для

¹⁵ Эффект перетекания (также «эффект перелива», англ. *spillover effect*) — понятие из неофункционализма,

окрестных территорий положительные экстерналии (внешние эффекты), среди которых могут быть улучшение условий охраны труда, снижение социальной напряженности из-за повышения уровня занятости, снижение уровня заболеваемости из-за проводимой вакцинации сотрудников и членов их семей, улучшение качества образования населения и др.

Таким образом, режим локальной гегемонии относится к тому промежутку, когда, с одной стороны, конкуренция существует и ограничивает действия наиболее сильного актора, а с другой — его возможностей достаточно для установления правил игры и извлечения выгод из своего положения.

В свою очередь, конкуренция возможна не только между акторами одного уровня, но и между акторами разных уровней. Так, в случае СЭЗ нельзя не принимать во внимание локального актора — государство, на территории которого и предполагается соответствующая деятельность. Отдельно имеет смысл рассматривать региональных и глобальных акторов, причем издержки первых на создание и поддержание режима локальной гегемонии ниже по целому ряду причин (помимо применимости такого классического понятия, как градиент силы [Boulding 1963: 245—247], причину можно объяснить культурной близостью и схожестью институтов).

Локальная гегемония: китайская практика

Переходя от теории к практике, следует заметить, что в рассматриваемых случаях ключевую роль в формировании режима локальной гегемонии играют, как будет показано ниже, китайские компании с госучастием (англ. *SOE, State-owned enterprise*). Помимо основных экономических целей (открытие рынков, доступ к ресурсам, содействие модернизации) китайское правительство, исходя из своей общей стратегии на континенте [Дейч 2018], ставит перед ними имиджевые

связанное с распространением эффектов успешного сотрудничества за пределы областей сотрудничества [Панченко 2009].

цели, связанные с социальной ответственностью, защитой окружающей среды, трудовыми правами. Для контроля за соблюдением этих пунктов используются партийные ячейки в госкомпаниях [Haglund 2009]. Подобные формы надзора не могут заменить общественный контроль и открытость, характерные для некоторых компаний в западных государствах, однако заставляют данные предприятия как минимум создавать видимость соблюдения соответствующих норм и реализации программ развития.

Специальная экономическая зона Китая в Замбии

Замбия богата минеральными ресурсами, в частности, страна обладает 56 % африканских запасов меди и 6 % — палладия [Корендясов 2012]. Около 84 % экспортной корзины составляют именно полезные ископаемые¹⁶. Замбия давно была одним из ключевых партнеров Китая в регионе, который входил в число основных импортеров меди из этой страны¹⁷. Данное обстоятельство послужило отправной точкой для перехода отношений между двумя странами на новый качественный уровень.

Помимо Китая в регионе действуют и другие инвесторы. В частности, за 2 года до КНР, в 2005 г. помощь в создании СЭЗ в Замбии (в данном случае в литературе применяется термин «многоцелевая экономическая зона» — *Multi-Facility Economic Zone*, MFEZ) оказала Япония [Jegathesan, Ono 2013]. Следует, однако, отметить, что такая форма технической помощи не предполагает возникновения локальной гегемонии. Япония, предлагая техническое содействие, не предоставляла достаточный объем инвестиций. Японские прямые зарубежные инвестиции во все

страны Африки в 2007 г. составили 1,1 млрд долл. США¹⁸, что намного меньше китайских инвестиций в одну только СЭЗ в Замбии за несколько лет. Таким образом, локальным актором является правительство Замбии, а глобальными — Китай, Япония, Индия [Haglund 2009] и др. Региональные же акторы, такие как Маврикий, не были для них конкурентами в 2007 г. Однако по состоянию на 2019 г. Маврикий участвует в организации СЭЗ в других странах на Африканском континенте (Кот-д'Ивуар, Гана, Мадагаскар и Сенегал)¹⁹.

Первые предложения об учреждении специальной зоны прозвучали еще в 2004 г. от работающей в Замбии специализирующейся на добычи меди китайской SOE CNMCL (China Non-ferrous Metal Corporation Limited). СЭЗ была открыта в феврале 2007 г., уже после внедрения соответствующего законодательства, став первой среди китайских СЭЗ на континенте [Zeng 2016]. Примечательно, что CNMCL вела переговоры при поддержке Китайского министерства коммерции (по сути, именно представители китайского правительства вели основные переговоры) [Haglund 2009].

Положения Акта о развитии Замбии (2006 г.) и Соглашения по ZCCZ (Zambia — China Economic & Trade Cooperation Zone), по информации ряда исследователей, предусматривают: 1) аренду земли в Восточной Лусаке на 76 лет и в Чамбиши — на 80 лет по низкой стоимости; 2) льготный налоговый режим (0 % первые 5 лет, 50 % базовой налоговой ставки на 6—8-й год, 75 % ставки — на 9—10-й год); 3) нулевые ввозные пошлины для сырья и станков на 5 лет; 4) 0 % ставка НДС на импорт; 5) обязательства CNMCL обеспечить необходимую инфраструктуру; 6) обязанность инвесторов по регистрации

¹⁶ Zambia: Country Profile // The Observatory of Economic Complexity. 2017. URL: <https://oec.world/en/profile/country/zmb/> (accessed: 12.10.2019).

¹⁷ Alves A.C. The Zambia — China Cooperation Zone at a Crossroads: What Now? // SAIIA China in Africa Project. Policy Briefing. 2011. No. 41. URL: <https://www.africaportal.org/publications/the-zambiachina-cooperation-zone-at-a-crossroads-what-now/> (accessed: 12.10.2019).

¹⁸ Japan's Outward FDI by Country and Region (Balance of Payments basis, net and flow) // Japan External Trade Organization. 2019. URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/statistics/data/country1_e_18cy.xls (accessed: 12.10.2019).

¹⁹ Special Economic Zones. Chapter IV // UNCTAD World Investment Report 2019. 2019. P. 157. URL: https://unctad.org/en/PublicationChapters/WIR2019_CH4.pdf (accessed: 12.10.2019).

компаний; 7) открытость СЭЗ для всех инвесторов²⁰.

Что касается последнего пункта, есть основания считать, что Китай имеет своего рода право вето на инвестиции, особенно в горнодобывающем секторе [Carmody, Hampwaye, Sakala 2012], что снижает уровень конкуренции и тем самым экономическую эффективность СЭЗ.

Зона в Восточной Лусаке площадью 5,7 км² находится в непосредственной близости к международному аэропорту, а зона в Чамбиши площадью 11,58 км² располагается на территории, богатой медными рудами.

Таким образом, CNMCL получила в долгосрочную аренду два участка земли, однако некоторые положения (в частности необходимость регистрации) соглашений привели к тому, что зона неполностью автономна от регулирования со стороны Замбии.

В настоящий момент можно говорить об успехе первой такого рода зоны в Африке [Zan 2013; Huang, Zhang 2019]. На 2019 г. объем привлеченных инвестиций достиг 2,2 млрд долл. США, было создано 9 067 рабочих мест для населения Замбии²¹.

Создание СЭЗ способствует экономическому развитию Замбии благодаря улучшению макроэкономических показателей и эффектам перетекания из СЭЗ в экономику Замбии, которые связаны с развитием экономики и человеческого капитала. В частности, можно отметить развитие предприятий за пределами СЭЗ в результате поставок товаров и услуг в ZCCZ от местных поставщиков (объем поставок на 2016 г. составил 26,7 млн долл. США и затронул 152 компании)²².

²⁰ Alves A.C. The Zambia — China Cooperation Zone at a Crossroads: What Now? // SAIIA China in Africa Project. Policy Briefing. 2011. No. 41. URL: <https://www.africaportal.org/publications/the-zambiachina-cooperation-zone-at-a-crossroads-what-now/> (accessed: 12.10.2019).

²¹ Republic of Zambia report of the Committee on national economy, trade and labour matters for the third session of the Twelfth National Assembly // National Assembly of Zambia. 2019. URL: http://www.parliament.gov.zm/sites/default/files/documents/committee_reports/National%20Economy%20Final%20Report%202019.pdf (accessed: 12.10.2019).

²² China Nonferrous Metal Corporation Limited. 2016 Annual report // China Nonferrous Metal Corporation Limited. 2016. P. 73. URL: <http://www.cnmcl.net/Managed/>

Кроме того, растет уровень образования местного населения благодаря обмену опытом в результате общения местных работников с китайцами, а также специальным программам²³.

Также в контексте образования нельзя не отметить деятельность Института Конфуция, который является широко применяемым инструментом китайской «мягкой силы»²⁴. Трудовые практики в локусе также способствуют улучшению положения трудящихся [Sautman, Yan 2012] за счет увеличения конкуренции за рабочую силу. Отдельно стоит упомянуть создание современного медицинского учреждения для сотрудников и членов их семей²⁵. Вместе с тем существуют и некоторые проблемы: так, обмен опытом ограничен из-за языковых барьеров, отсутствуют программы обучения местных рабочих в Китае [Haglund 2009].

Специальная экономическая зона Китая на Маврикии

Маврикий является дееспособным государством с развитыми институтами, занимая 150-е из 178 мест (178-е место является лучшим показателем) в рейтинге государственной недееспособности²⁶. Режим локальной гегемонии там, как будет показано ниже, не был установлен. Отчасти это связано именно с низкими дополнительными выгодами от установления режима и развития инфраструктуры, которые не привлекли на территорию достаточно инвесторов.

Маврикий представляет собой остров на юге акватории Индийского океана, заселенный в основном индо-маврикийцами, исповедую-

[Resources/docs/reports/e2016annual.pdf](https://www.cnmcl.net/Managed/Resources/docs/reports/e2016annual.pdf) (accessed: 09.05.2019).

²³ Ibid. P. 81.

²⁴ Ibid. P. 89.

²⁵ Rediscovering Africa ep19: Zambia — China Cooperation Zone boosts local growth // China Global Television Network on YouTube. 26.11.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=988PI9ck9dM> (accessed: 09.05.2019).

²⁶ Country Dashboard: Mauritius // Fragile States Index (2006—2019). URL: https://public.tableau.com/shared/B5F7QBFPT?:display_count=y&:origin=viz_share_link&:embed=y&:showVizHome=no (accessed: 12.10.2019).

щими преимущественно индуизм [Eisenlohr 2002], однако присутствует на Маврикий и китайское меньшинство (3 %) ²⁷. Находясь на морском пути из Азии в Африку, архипелаг является значимым с военно-стратегической и логистической точек зрения.

Свои базы в западной части Индийского океана имеют США, Великобритания и Франция ²⁸, которые заинтересованы в недопущении усиления влияния Китая в регионе. Маврикий является демократией ²⁹, которая обладает суверенитетом и контролем над своей территорией (кроме архипелага Чагос, который занимают Великобритания и США). Страна поддерживает особые отношения с Индией ³⁰. Наконец, следует отметить, что в особых экономических зонах острова действует большое количество частных иностранных предприятий, которые генерировали в 2006 г. 43 % экспорта страны [Baissak 2015: 236]. Таким образом, конкуренция на Маврикий достаточно развита, что может служить ограничением власти гегемона. К акторам, имеющим значительные интересы на острове, относятся: на локальном уровне — правительство Маврикия, на региональном — Индия, на глобальном — Китай, США, Франция, Великобритания.

Китай, помимо уже перечисленных обших для Африки целей, руководствуется возможным участием Маврикия в проекте «Один пояс, один путь» ³¹. Необходимо подчеркнуть,

что Маврикий имеет низкобарьерный доступ на рынки Евросоюза, Сообщества развития Юга Африки и Общий рынок Восточной и Южной Африки ³², что делает это островное государство удобным плацдармом для обхода торговых барьеров при экспорте китайских товаров и услуг.

«Tianli Spinning Co. Ltd», китайская компания с госучастием со штаб-квартирой в китайской провинции Шаньси, занималась на острове бизнесом с 2001 г. и в 2006 г. стала инициатором создания СЭЗ на Маврикий, найдя отклик со стороны местных официальных лиц ³³. В качестве территории было предложено 211 гектаров (2,1 км²) в пригороде Порт-Луи, столицы государства. Данный участок земли имеет выгодное расположение, не является изолированным от основной территории острова, что не должно создать проблем ввиду того, что уровень преступности на острове невелик.

Соглашение о «Tianli Project», подписанное между «Tianli» (при поддержке Министерства коммерции Китая) и правительством Маврикия в марте 2007 г., предположительно предусматривало: 1) аренду земельного участка на 99 лет по низкой цене (3 долл. США /гектар в год с последующим увеличением); 2) на территории сохранялся 15 %-ный налог на прибыль корпораций (базовые условия для инвесторов на Маврикий); 3) статус свободного порта — освобождение от необходимости прохождения таможи при импорте сырья; 4) предоставление паспортов Маврикия крупным инвесторам; 5) Маврикий обязался обеспечить всю необходимую инфраструктуру (дороги, водо- и электроснабжение) ³⁴. Позже зона получила название «JinFei».

²⁷ Alves A.C. Chinese Economic and Trade Cooperation Zones in Africa: The Case of Mauritius // SAIPA China in Africa Project. Occasional paper. 2011. No. 74. URL: https://www.africaportal.org/documents/2776/saia_sop_74_alves_20110131.pdf (accessed: 12.10.2019).

²⁸ Бокарев Д. Индия, Китай и США: ситуация вокруг Маврикия // Новое Восточное Обозрение. 23.10.2017. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/10/23/indiya-kitaj-i-ssha-situatsiya-vokrug-mavrikiya/> (дата обращения: 01.05.2019).

²⁹ Democracy Index 2016 // The Economist. 2016. URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2016 (accessed: 02.03.2019).

³⁰ Sinha N. India — Mauritius: An Umbilical Relation // Vivekananda International Foundation. 24.05.2017. URL: <http://www.vifindia.org/article/2017/may/24/india-mauritius-an-umbilical-relation> (accessed: 28.10.2019).

³¹ Wang Yi. Meets with Minister of Foreign Affairs, Regional Integration and International Trade Vishnu Lutchmeenaraidoo of Mauritius // The Commissioner's

Office of China's Foreign Ministry in the Hong Kong S.A.R. 05.08.2018. URL: <http://www.fmcofrc.gov.hk/eng/Topics/gjtz/t1463480.htm> (accessed: 01.05.2019).

³² Alves A.C. Chinese Economic and Trade Cooperation Zones in Africa: The Case of Mauritius. URL: https://www.africaportal.org/documents/2776/saia_sop_74_alves_20110131.pdf (accessed: 12.10.2019).

³³ Ibid.

³⁴ Ibid.

Первоначально Маврикий настоял на том, что доступ в СЭЗ будут иметь только китайские инвесторы (исходя из наличия других СЭЗ на острове). Однако уже в 2009 г., очевидно на фоне отсутствия каких-либо прорывов, проект был открыт для не китайских инвестиций, а в 2012 г. — для местных компаний с иностранным руководством [Cowaloosur 2015: 197]. При этом Министерство коммерции Китая считает желательным для всех таких зон присутствие китайских компаний на уровне не менее 70–80 % [Bräutigam, Xiaoyang 2011].

В результате проект СЭЗ обернулся провалом, не принеся Маврикию обещанные 750 млн долл. США инвестиций [Cowaloosur 2015: 196] и не позволив Китаю реализовать свои задачи. В то время как «Tianli» освоила выделенные средства, что означает своего рода успех для менеджмента компании, неудача проекта СЭЗ обернулась издержками именно для Китая.

Причины такого провала следует, прежде всего, искать в экономике, однако косвенно они связаны и с развитой системой государственных институтов, в отличие от проблемной государственности в Замбии (40-е место в рейтинге *Fragile State Index 2019*³⁵). Маврикий и до создания китайской СЭЗ удовлетворял требованиям инвесторов. Выгоды от избегания рисков, как в случае ZCCZ [Qiao 2014], были минимальны. Хотя Китаю удалось получить условия, сравнимые с режимом локальной гегемонии, а Маврикий практически не вмешивался в управление локусом (несмотря на недовольство части слоев населения) [Cowaloosur 2015: 182], созданная в локусе инфраструктура и институты не давали компаниям, которые там бы расположились, уровень прибыли, существенно превышавший альтернативные возможности других экономических зон.

Другой причиной неудачи можно назвать действия Китая, который проявил себя достаточно пассивно. Локальный гегемон не сформулировал четко своих целей и задач,

³⁵ Country Dashboard: Mauritius // *Fragile States Index (2006–2019)*. URL: https://public.tableau.com/shared/2Z83D9KS9?:display_count=y&:origin=viz_share_link&:embed=y&:showVizHome=no (accessed: 12.10.2019).

отдав все на откуп «Tianli». Будучи инструментом его политики, «Tianli», тем не менее, преследовала не политические, а собственные экономические интересы максимизации прибыли. Например, компания получала щедрые субсидии от китайского правительства за сообщения об успехах. В случае, если Китай действовал бы напрямую, отсутствие экономических выгод не остановило бы развитие локуса из политических соображений.

Кроме того, хотя можно с уверенностью сказать, что режим имеет признаки локальной гегемонии, в ходе переговорного процесса Маврикий смог добиться распространения на СЭЗ налоговой ставки 15 %, чего не могло бы произойти, не обладай он достаточно развитым суверенитетом, который не позволяет создавать территории, «выпадающие» из-под контроля государства.

Наконец, важно отметить и отсутствие на Маврикий месторождений минеральных ресурсов: такой экономический фактор, как наличие полезных ископаемых, создает предпосылки для извлечения прибыли, что впоследствии будет благоприятствовать деятельности локального гегемона. Если агентом гегемонии является предприятие коммерческого характера (например, «Tianli»), фактор стабильной прибыли является еще более важным.

Примечательно, что, несмотря на отсутствие заметных внешних экстерналий для экономики Маврикия, государство потратило ресурсы на создание инфраструктуры локуса, ожидая, что данные инвестиции окупятся.

Что касается эффекта перетекания, он также не наблюдается в случае Маврикия. В противном случае могла бы быть применена методология для оценки эффекта перетекания при прямых иностранных инвестициях³⁶. Хотя, конечно, нельзя этим ограничиваться, и в случае успеха локальной гегемонии можно

³⁶ Эффект перетекания при прямых иностранных инвестициях определяется как повышение производительности местных фирм в результате присутствия иностранных фирм в экономике (см.: Leshner M., Miroudot S. *FDI Spillovers and Their Interrelationships With Trade* // *OECD Trade Policy Working Paper No. 80*. Paris: OECD Publishing, 2008. DOI: 10.1787/235843308250).

было бы выделить и иные эффекты, связанные не только с экономическим, но и с социальным развитием.

Заключение

На основе сравнения двух СЭЗ можно выделить следующие факторы, влияющие на успех локальной гегемонии: привлекательность для инвесторов, открытость для третьих стран, разница в качестве институтов между СЭЗ и страной, в которой она располагается, а также вовлеченность локального гегемона в администрирование СЭЗ.

Специальные экономические зоны Китая в Африке следует рассматривать как зоны локальной гегемонии. Такой подход позволяет разграничить действительно неокOLONIALНЫЕ механизмы, нацеленные на эксплуатацию ресурсов, от форм сотрудничества, способствующих развитию. В первом случае внешний игрок, действующий в Африке, доминирует на определенной территории, не преследуя никаких целей, кроме экономических. Во втором случае конкуренция (пусть даже ограниченная), характерная для режима локальной гегемонии, вынуждает внешнего

игрока вносить свой вклад в развитие африканского общества.

Кроме того, для гегемонии характерна стабильность. А. Уотсон доказал, что состояние гегемонии, находящееся между состояниями анархии и владычества, является одним из составляющих наиболее стабильной конфигурации общественной системы [Watson 1992: 324]. Хотя утверждение, что стабильность также характерна для локальной гегемонии, требует дополнительных подтверждений, организация иностранных специальных экономических зон является перспективной формой содействия развитию африканских стран благодаря наблюдаемым эффектам перетекания. Среди них можно выделить развитие человеческого капитала, предприятий в соседних с СЭЗ регионах и улучшение условий охраны труда.

В заключение следует отметить, что в качестве теоретической концепции локальная гегемония позволяет обратиться к многочисленным концептуальным работам по гегемонии при объяснении недостаточно изученного в международных отношениях феномена иностранных специальных экономических зон.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2019
Принята к публикации / Accepted: 30.12.2019

Библиографический список

- Андерсон П. Перипетии гегемонии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория Будущего, 2006.
- Арутюнова И.А., Кирова И.В., Попова Т.Л. Факторы успехов Китая в Африке // Актуальные вопросы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3—4. С. 152—158.
- Гринин Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 43—61.
- Дейч Т.Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «win-win» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 119—141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141
- Корендясов Е.Н. Новые рубежи Африки на рынках минерального сырья // Металлы Евразии. 2012. № 5. С. 1—18.
- Корнейко О.В., Пестерева А.В. Опыт развития специальных экономических зон и промышленных кластеров в Китае // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2016. Т. 26. № 6. С. 34—40.
- Костюнина Г.М. Специальные экономические зоны в мире и в России. М.: Б.м., 2015. URL: <http://www.ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=99044B3D-B93D-6C66-93F1-D97C2781EBCE> (дата обращения: 01.10.2019).
- Окунев И.Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 18—25.

- Панченко М.Ю.* Неолиберальные модели управления региональным международным порядком // Вестник Московского университета. Серия 21, Управление (государство и общество). 2009. № 3. С. 35—44.
- Тер-Акопов С.Г.* Специальные экономические зоны Китая как важная часть экономического роста // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2013. № 24. С. 38—43.
- Харкевич М.В.* Управление в условиях ограниченной государственности: постановка проблемы // Право и Управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 110—111.
- Aggarwal A.* SEZ-led Growth in Taiwan, Korea, and India: Implementing a Successful Strategy // *Asian Survey*. 2012. Vol. 52. No. 5. P. 872—899. DOI: 10.1525/as.2012.52.5.872
- Allan B.B., Vucetic S., Hopf T.* The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects // *International Organization*. 2018. Vol. 72. No. 4. P. 839—869. DOI: 10.1017/S0020818318000267
- Arnold D.* Spatial Practices and Border SEZs in Mekong Southeast Asia // *Geography Compass*. 2012. Vol. 6. No. 12. P. 740—751. DOI: 10.1111/gec3.12012
- Baissak C.* Planned Obsolescence? Export Processing Zones and Structural Reform in Mauritius // *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions* / Ed. by T. Farole, G. Akinci. Washington, DC: The World Bank, 2015. P. 227—244.
- Bakakin R.N.* Features of State Regulation of Economy with the Use of the System of Special Economic Zones // *Экономика и социум*. 2016. Т. 5. № 1. С. 5—9.
- Boulding K.E.* Conflict and Defense: A General Theory. New York: Harper, 1963.
- Bräutigam D., Farole T., Xiaoyang T.* China's Investment in African Special Economic Zones: Prospects, Challenges, and Opportunities. Washington, DC: The World Bank Economic Premise, 2010.
- Bräutigam D., Tang X.* "Going Global in Groups": Structural Transformation and China's Special Economic Zones Overseas // *World Development*. 2014. No. 63. P. 78—91. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.010
- Bräutigam D., Xiaoyang T.* African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa // *The Journal of Modern African Studies*. 2011. Vol. 49. No. 1. P. 27—54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649
- Bräutigam D., Xiaoyang T.* Economic Statecraft in China's New Overseas Special Economic Zones: Soft Power, Business or Resource Security? // *International Affairs*. 2012. Vol. 88. No. 4. P. 799—816. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01102.x
- Brown J.A.* Territorial (In) Coherence: Labour and Special Economic Zones in Laos's Border Manufacturing // *Antipode*. 2019. Vol. 51. No. 2. P. 438—457. DOI: 10.1111/anti.12462
- Callahan W.A.* Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? // *International Studies Review*. 2008. Vol. 10. No. 4. P. 749—761. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x
- Campbell H.* China in Africa: Challenging US Global Hegemony // *Third World Quarterly*. 2008. Vol. 29. No. 1. P. 89—105. DOI: 10.1080/01436590701726517
- Carmody P., Hampwaye G., Sakala E.* Globalisation and the Rise of the State? Chinese Geogovernance in Zambia // *New Political Economy*. 2012. Vol. 17. No. 2. P. 209—229. DOI: 10.1080/13563467.2011.552107
- Cowaloosur H.* Re-inscribing Dependency: The Political Economy of Mauritius Jinfei Economic and Trade Cooperation Zone Co. Ltd.: PhD Thesis. St Andrews, 2015. URL: <http://hdl.handle.net/10023/6444> (accessed: 27.10.2019).
- Cox R.* Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method // *Millennium: Journal of International Studies*. 1983. Vol. 12. No. 2. P. 162—175. DOI: 10.1177/03058298830120020701
- Cox R.* Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium: Journal of International Studies*. 1981. Vol. 10. No. 2. P. 125—155. DOI: 10.1177/03058298810100020501
- Dannenberg P., Yejo K., Schiller D.* Chinese Special Economic Zones in Africa: A New Species of Globalization? // *African East-Asian Affairs*. 2013. Vol. 0. No. 2. P. 4—14.
- Davies M.* China's Developmental Model Comes to Africa // *Review of African Political Economy*. 2008. Vol. 35. No. 115. P. 134—137.
- Demissie A.* Special Economic Zones: Integrating African Countries in China's Belt and Road Initiative // *Rethinking the Silk Road* / Ed. by M. Mayer. Singapore: Palgrave Macmillan, 2017. P. 69—84. DOI: 10.1007/978-981-10-5915-5_4
- Doucette J., Lee S.O.* Experimental Territoriality: Assembling the Kaesong Industrial Complex in North Korea // *Political Geography*. 2015. Vol. 47. P. 53—63. DOI: 10.1016/j.polgeo.2015.04.001
- Eisenlohr P.* Language and Identity in an Indian Diaspora: "Multiculturalism" and Ethno-linguistic Communities in Mauritius // *Internationales Asienforum*. 2002. Vol. 33. No. 1–2. P. 101—114.

- Galiullina G.F., Sharamko M.M., Andreeva F.I.* Institutional-Synergetic Approach in Benchmarking of Territorial Industrial Policy // *R-Economy*. 2018. Vol. 3. No. 3. P. 167—175. DOI: 10.15826/recon.2017.3.3.019
- Gilpin R.* War and Change in World Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
- Gramsci, Historical Materialism and International Relations* / Ed. by S. Gill. New York: Cambridge University Press, 1993. DOI: 10.1017/cbo9780511558993
- Haglund D.* In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector // *The China Quarterly*. 2009. No. 199. P. 627—646. DOI: 10.1017/S0305741009990130
- Huang M., Zhang X.* Construction of the Zambia–China Economic and Trade Cooperation Zone and South–South Cooperation // *South–South Cooperation and Chinese Foreign Aid* / Ed. by Meibo Huang, Xiuli Xu, Xiaojing Mao. Singapore: Palgrave Macmillan, 2019. P. 257—273. DOI: 10.1007/978-981-13-2002-6_16
- Jegathesan D.J., Ono M.* Strategic Action Initiatives for Economic Development: Trade and Investment Promotion in Zambia // *Eastern and Western Ideas for African Growth: Diversity and Complementarity in Development Aid* / Ed. by K. Ohno, I. Ohno. London: Routledge, 2013. P. 205—228.
- Keohane R.* After Hegemony. Princeton: Princeton University Press, 1984.
- Khan K., Anwar S.* Special economic zones (SEZs) and CPEC: Background, challenges and strategies // 33rd AGM and conference on redefining prosperity paths in changing global economy: Opportunities and challenge for Pakistan. 2017. Vol. 12. P. 69—84. URL: <https://www.pide.org.pk/psde/pdf/AGM32/papers/Special-Economic-Zones-SEZs.pdf> (accessed: 12.12.2019).
- Kim M.* A Real Driver of US–China Trade Conflict: The Sino-US Competition for Global Hegemony and Its Implications for the Future // *International Trade, Politics and Development*. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 30—40. DOI: 10.1108/itpd-02-2019-003
- Kindleberger C.* Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides // *International Studies Quarterly*. 1981. Vol. 25. No. 2. P. 242—254. DOI: 10.2307/2600355
- Layne C.* China's Challenge to US Hegemony // *Current History*. 2008. Vol. 107. No. 705. P. 13.
- Layne C.* The US–Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. No. 1. P. 89—111. DOI: 10.1093/ia/iix249
- Liuhto K.* Russia's Innovation Reform — the Current State of the Special Economic Zones // *Revista de Management Comparat Internațional*. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 85—94.
- Loewen B., Raagmaa G.* Introduction to the Special Issue: Territoriality and Governance in the Globalizing European Eastern Peripheries // *Administrative Culture*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 89—101. DOI: 10.32994/ac.v18i2.175
- Maslikhina V.Y.* Special Economic Zones in Russia: Results Evaluation and Development Prospects // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6. No. S1. P. 275—279.
- Meng G.* Construction and Development of the Zambia–China Economic and Trade Cooperation Zone // *Tropical Geography*. 2017. Vol. 37. No. 2. P. 246—257.
- Nicolas F.* Les investisseurs chinois en Éthiopie: l'alliance idéale? Paris: Notes d'Ifri, 2017. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nicolas_investissements_chinois_ethiopie_2017.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Oda H.* The Administration of Foreign Trade in the People's Republic of China // *The Developing Economies*. 1984. Vol. 22. No. 2. P. 155—168. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1984.tb00657.x
- Pastusiak R., Bolek M., Jasiniak M., Keller J.* Effectiveness of Special Economic Zones of Poland // *Zbornik Radova Ekonomski Fakultet u Rijeka*. 2018. Vol. 36. No. 1. P. 263—285. DOI: 10.18045/zbefri.2018.1.263
- Peña D.L.B., Cruz A.A., Moreno P.G.* Política Fiscal para Desarrollo: Implementación de Zonas Económicas Especiales en México // *Líder*. 2017. Vol. 19. No. 31. P. 67—84.
- Pidorycheva I.* Special Economic Zones: Key Lessons Learned from Global Experience // *Экономический вестник Донбасса*. 2017. № 4 (50). С. 52—59.
- Pun N.* Women Workers and Precarious Employment in Shenzhen Special Economic Zone, China // *Gender & Development*. 2004. Vol. 12. No. 2. P. 29—36. DOI: 10.1080/13552070412331332170
- Qiao H.* Lun woguo jingwai jingmao hezuoqu de fengxian fangfan wenti — yi Zanbiya-Zhongguo jingmao hezuoqu wei shijiao // *Shangye shidai* [On the Question of Risk Prevention in China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zone — the Case of China's Economic and Trade Cooperation Zone in Zambia // *The Trade Age*]. 2014. No. 15. P. 19—21.
- Ramachandriah C., Venkateswarlu A.* Dispossessing Tribals and the Poor from Lands: Land Laws and Administration in Andhra Pradesh, India. UU Report Submitted to the IS Academy Land Governance. Begumpet: Centre for Economic and Social Studies, 2011.

- Ruggie J.G. Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47. No. 1. P. 139—174. DOI: 10.1017/s0020818300004732
- Sautman B., Yan H. The Chinese Are the Worst?: Human Rights and Labor Practices in Zambian Mining // *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*. 2012. No. 3. P. 1—100.
- Scott E. China Goes Global in Egypt: A Special Economic Zone in Suez. Stellenbosch: Centre for Chinese Studies, 2013.
- Shvetsov A.N. Growth Points or Black Holes: How Efficient Are State Stimulation Tools for Territorial Development? // *Regional Research of Russia*. 2017. Vol. 7. No. 2. P. 108—119. DOI: 10.1134/s2079970517020071
- Sigler T.J. Panama's Special Economic Zones: Balancing Growth and Development // *Bulletin of Latin American Research*. 2014. Vol. 33. No. 1. P. 1—15. DOI: 10.1111/blar.12035
- Snidal D. The Limits of Hegemonic Stability Theory // *International Organization*. 1985. Vol. 39. No. 4. P. 579—614. DOI: 10.1017/s002081830002703x
- Sosnovskikh S. Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks // *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 174—199. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.06.004
- Starrs S.K. Can China Unmake the American Making of Global Capitalism? // *Socialist Register* 2019. 2018. Vol. 55. P. 173—200.
- Tantri M.L. Trajectories of China's Integration with the World Economy through SEZs: A Study on Shenzhen SEZ // *China Report*. 2013. Vol. 49. No. 2. P. 227—250. DOI: 10.1177/0009445513491526
- Wang J. Q., Li B.L. Service-oriented Government Building Research Based on the Background of the “New SEZ” // *Applied Mechanics and Materials*. Series Trans Tech Publications. 2013. Vol. 380—384. P. 4461—4465. DOI: 10.4028/www.scientific.net/amm.380-384.4461
- Watson A. *The Evolution of International Society*. London, New York: Routledge, 1992.
- Webb M., Krasner S. Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment // *Review of International Studies*. 1989. No. 75. P. 183—198. DOI: 10.1017/s0260210500112999
- Wei X. Acquisition of Technological Capability Through Special Economic Zones (SEZs): The Case of Shenzhen SEZ // *Industry and Innovation*. 2000. Vol. 7. No. 2. P. 199—221. DOI: 10.1080/713670253
- Xuetong Y. The Rise of China and Its Power Status // *The Chinese Journal of International Politics*. 2006. Vol. 1. No. 1. P. 5—33. DOI: 10.1093/cjip/pol002
- Zan B. Zanzhong jingmao hezuoqu jianshe: pingtai zuoyong yu fazhan qianjing // *Guoji jingji hezuo* [The Construction of Zambia-Chinese Economic and Trade Cooperation Zone: The Role and Prospects of the Framework // *International economic cooperation*]. 2013. No. 12. P. 19—23.
- Zeng D.Z. *Global Experiences with Special Economic Zones: Focus on China and Africa*. Washington, DC: The World Bank, 2015. DOI: 10.1596/1813-9450-7240
- Zeng D.Z. How Do Special Economic Zones and Industrial Clusters Drive China's Rapid Development? // *World Bank Policy Research Paper*. 2011. No. 5583. DOI: 10.1596/1813-9450-5583
- Zeng D.Z. *Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience* // *PEDL Synthesis Paper Series*. 2016. No. 1. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Zhang X., Booth C.D. Chinese Bankruptcy Law in an Emerging Market Economy: The Shenzhen Experience // *Columbia Journal of Asian Law*. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 1—33.
- Zverev Y. The Kaliningrad Region's Industry, Problems and Prospects of Development and Restructuring in the Context of a Special Economic Zone (SEZ) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. No. 6. P. 321—327. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s7p321

References

- Aggarwal, A. (2012). SEZ-led Growth in Taiwan, Korea, and India: Implementing a Successful Strategy. *Asian Survey*, 52 (5), 872—899. DOI: 10.1525/as.2012.52.5.872
- Allan, B.B., Vucetic, S. & Hopf, T. (2018). The Distribution of Identity and the Future of International Order: China's Hegemonic Prospects. *International Organization*, 72 (4), 839—869. DOI: 10.1017/S0020818318000267
- Anderson, P. (2018). *The Peripeteia of Hegemony*. Moscow: Gaidar Institute publ. (In Russian).
- Arnold, D. (2012). Spatial Practices and Border SEZs in Mekong Southeast Asia. *Geography Compass*, 6 (12), 740—751. DOI: 10.1111/gec3.12012

- Arrihi, G. (2006). *The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Time*. Moscow: Territorija Budushhego publ. (In Russian).
- Arutjunova, I.A., Kirova, I.V. & Popova, T.L. (2014). Factors of China's Success in Africa. *Current Issues of Humanitarian and Natural Sciences*, 3—4, 152—158. (In Russian).
- Baissak, C. (2015). Planned Obsolescence? Export Processing Zones and Structural Reform in Mauritius. In: Farole, T. & Akin, G. (Eds.). *Special Economic Zones: Progress, Emerging Challenges, and Future Directions*. Washington, DC: The World Bank. P. 227—244.
- Bakakin, R.N. (2016). Features of State Regulation of Economy with the Use of the System of Special Economic Zones. *Ekonomika i socium*, 5 (1), 5—9.
- Boulding, K.E. (1963). *Conflict and Defense: A General Theory*. New York: Harper.
- Bräutigam, D. & Tang, X. (2014). "Going Global in Groups": Structural Transformation and China's Special Economic Zones Overseas. *World Development*, 63, 78—91. DOI: 10.1016/j.worlddev.2013.10.010
- Bräutigam, D. & Xiaoyang, T. (2012). Economic Statecraft in China's New Overseas Special Economic Zones: Soft Power, Business or Resource Security? *International Affairs*, 88 (4), 799—816. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2012.01102.x
- Bräutigam, D., & Xiaoyang, T. (2011). African Shenzhen: China's Special Economic Zones in Africa. *The Journal of Modern African Studies*, 49 (1), 27—54. DOI: 10.1017/S0022278X10000649
- Bräutigam, D., Farole, T. & Xiaoyang, T. (2010). *China's Investment in African Special Economic Zones: Prospects, Challenges, and Opportunities*. Washington, DC: The World Bank Economic Premise.
- Brown, J.A. (2019). Territorial (In) Coherence: Labour and Special Economic Zones in Laos's Border Manufacturing. *Antipode*, 51, 438—457. DOI: 10.1111/anti.12462
- Callahan, W.A. (2008). Chinese Visions of World Order: Post-hegemonic or a New Hegemony? *International Studies Review*, 10 (4), 749—761. DOI: 10.1111/j.1468-2486.2008.00830.x
- Campbell, H. (2008). China in Africa: Challenging US Global Hegemony. *Third World Quarterly*, 29 (1), 89—105. DOI: 10.1080/01436590701726517
- Carmody, P., Hampwaye, G. & Sakala, E. (2012). Globalisation and the Rise of the State? Chinese Geogovernance in Zambia. *New Political Economy*, 17 (2), 209—229. DOI: 10.1080/13563467.2011.552107
- Cowaloosur, H. (2015). *Re-inscribing Dependency: The Political Economy of Mauritius Jinfei Economic and Trade Cooperation Zone Co. Ltd.* [PhD Thesis]. St Andrews. URL: <http://hdl.handle.net/10023/6444> (accessed: 27.10.2019).
- Cox, R. (1981). Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium: Journal of International Studies*, 10 (2), 125—155. DOI: 10.1177/03058298810100020501
- Cox, R. (1983). Gramsci, Hegemony and International Relations: An Essay in Method. *Millennium: Journal of International Studies*, 12 (2), 162—175. DOI: 10.1177/03058298830120020701
- Dannenberg, P., Yejo, K. & Schiller, D. (2013). Chinese Special Economic Zones in Africa: A New Species of Globalization? *African East-Asian Affairs*, 0 (2), 4—14. DOI: 10.7552/0-2-103
- Davies, M. (2008). China's Developmental Model Comes to Africa. *Review of African Political Economy*, 35 (115), 134—137. DOI: 10.1080/03056240802021450
- Demissie, A. (2017). Special Economic Zones: Integrating African Countries in China's Belt and Road Initiative. In: Mayer, M. (Eds.). *Rethinking the Silk Road*. Singapore: Palgrave Macmillan, 69—84. DOI: 10.1007/978-981-10-5915-5_4
- Deych, T.L. (2018). China in Africa: Neocolonial Power or "Win-Win" Strategy? *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 11 (5), 119—141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141 (In Russian).
- Doucette, J. & Lee, S.-O. (2015). Experimental Territoriality: Assembling the Kaesong Industrial Complex in North Korea. *Political Geography*, 47, 53—63. DOI: 10.1016/j.polgeo.2015.04.001
- Eisenlohr, P. (2002). Language and Identity in an Indian Diaspora: 'Multiculturalism' and Ethno-linguistic Communities in Mauritius. *Internationales Asienforum*, 33 (1—2), 101—114.
- Galiullina, G.F., Sharamko, M.M. & Andreeva, F.I. (2018). Institutional-Synergetic Approach in Benchmarking of Territorial Industrial Policy. *R-Economy*, 3 (3), 167—175. DOI: 10.15826/recon.2017.3.3.019
- Gill, S. (Eds.). (1993). *Gramsci, Historical Materialism and International Relations*. New York: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/cbo9780511558993
- Gilpin, R. (1981). *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grinin, L.E. (2012). Chinese Model and Prospects of China's Global Leadership. *Age of Globalization*, 2, 43—61. (In Russian).

- Haglund, D. (2009). In It for the Long Term? Governance and Learning among Chinese Investors in Zambia's Copper Sector. *The China Quarterly*, 199, 627—646. DOI: 10.1017/S0305741009990130
- Huang, M. & Zhang, X. (2019). Construction of the Zambia—China Economic and Trade Cooperation Zone and South—South Cooperation. In: Meibo, H., Xiuli, X. & Xiaojing, M. (Eds.). *South-South Cooperation and Chinese Foreign Aid*. Singapore: Palgrave Macmillan, 257—273. DOI: 10.1007/978-981-13-2002-6_16
- Jegathesan, D.J. & Ono, M. (2013). Strategic Action Initiatives for Economic Development: Trade and Investment Promotion in Zambia. In: Ohno, K. & Ohno, I. (Eds.). *Diversity and Complementarity in Development Aid: East Asian Lessons for African Growth*. London: Routledge. P. 205—228.
- Keohane, R. (1984). *After Hegemony*. Princeton: Princeton University Press.
- Khan, K. & Anwar, S. (2017). Special economic zones (SEZs) and CPEC: Background, challenges and strategies. In: *33rd AGM and conference on redefining prosperity paths in changing global economy: Opportunities and challenge for Pakistan*, 12, 69—84. URL: <https://www.pide.org.pk/psde/pdf/AGM32/papers/Special-Economic-Zones-SEZs.pdf> (accessed: 12.12.2019).
- Kharkevich, M.V. (2014). Problematizing Governance in Territories of Limited Statehood: Formulation of the Problem. *Journal of Law and Administration*, 2 (31), 110—111. (In Russian).
- Kim, M. (2019). Real Driver of US—China Trade Conflict: The Sino-US Competition for Global Hegemony and Its Implications for the Future. *International Trade, Politics and Development*, 3 (1), 30—40. DOI: 10.1108/itpd-02-2019-003
- Kindleberger, C. (1981). Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides. *International Studies Quarterly*, 25 (2), 242—254. DOI: 10.2307/2600355
- Korendyasov, E.N. (2012). New Prospects for Africa in Mineral Markets. *Eurasian Metals Magazine*, 5, 1—18. (In Russian).
- Korneiko, O.V. & Pestereva, A.V. (2016). Special Economic Zones and Industrial Clusters Development in China. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 26 (6), 34—40. (In Russian).
- Kostjunina, G.M. (2015). *Special Economic Zones in the World and in Russia*. URL: <http://www.ehd.mgimo.ru/IORManagerMgimo/file?id=99044B3D-B93D-6C66-93F1-D97C2781EBCE> (accessed: 01.10.2019). (In Russian).
- Layne, C. (2008). China's Challenge to US Hegemony. *Current History*, 107 (705), 13—18.
- Layne, C. (2018). The US—Chinese Power Shift and the End of the Pax Americana. *International Affairs*, 94 (1), 89—111. DOI: 10.1093/ia/iix249
- Liuhto, K. (2009). Russia's Innovation Reform — the Current State of the Special Economic Zones. *Revista de Management Comparat Internațional*, 10 (1), 85—94.
- Loewen, B. & Raagmaa, G. (2018). Introduction to the Special Issue: Territoriality and Governance in the Globalizing European Eastern Peripheries. *Administrative Culture*, 18 (2), 89—101. DOI: 10.32994/ac.v18i2.175
- Maslikhina, V.Y. (2016). Special Economic Zones in Russia: Results Evaluation and Development Prospects. *International Journal of Economics and Financial Issues*, 6 (S1), 275—279.
- Meng, G. (2017). Construction and Development of the Zambia—China Economic and Trade Cooperation Zone. *Tropical Geography*, 37 (2), 246—257. (In Chinese).
- Nicolas, F. (2017). *Les investisseurs chinois en Éthiopie: l'alliance idéale?* Paris: Notes d'Ifri. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/nicolas_investissements_chinois_ethiopie_2017.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Oda, H. (1984). The Administration of Foreign Trade in the People's Republic of China. *The Developing Economies*, 22 (2), 155—168. DOI: 10.1111/j.1746-1049.1984.tb00657.x
- Okunev, I.Yu. (2018). Territorial and Spatial Identity: New Approach to the Basic Concepts. *Comparative Politics Russia*, 9 (1), 18—25. (In Russian).
- Panchenko, M.Yu. (2009). Neoliberal Governance Models of Regional International Order. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 3, 35—44. (In Russian).
- Pastusiak, R., Bolek, M., Jasiniak, M. & Keller, J. (2018). Effectiveness of Special Economic Zones of Poland. *Zbornik Radova Ekonomskog Fakulteta u Rijeci*, 36 (1), 263—285. DOI: 10.18045/zbfri.2018.1.263
- Peña, D.L.B., Cruz, A.A. & Moreno, P.G. (2017). Política Fiscal para Desarrollo: Implementación de Zonas Económicas Especiales en México. *Líder*, 19 (31), 67—84.
- Pidorycheva, I. (2017). Special Economic Zones: Key Lessons Learned from Global Experience. *Ekonomicheskii vestnik Donbassa*, 4 (50), 52—59.

- Pun, N. (2004). Women Workers and Precarious Employment in Shenzhen Special Economic Zone, China. *Gender & Development*, 12 (2), 29—36. DOI: 10.1080/13552070412331332170
- Qiao, H. (2014). Lun woguo jingwai jingmao hezuoqu de fengxian fangfan wenti — yi Zanbiya-Zhongguo jingmao hezuoqu wei shijiao. *Shangye shidai* [On the Question of Risk Prevention in China's Overseas Economic and Trade Cooperation Zone — the Case of China's Economic and Trade Cooperation Zone in Zambia. *The Trade Age*], 15, 19—21. (In Chinese).
- Ramachandraiah, C. & Venkateswarlu, A. (2011). *Dispossessing Tribals and the Poor from Lands: Land Laws and Administration in Andhra Pradesh, India*. UU Report Submitted to the IS Academy Land Governance. Begumpet: Centre for Economic and Social Studies.
- Ruggie, J.G. (1993). Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*, 47 (1), 139—174. DOI: 10.1017/s0020818300004732
- Sautman, B. & Yan, H. (2012). The Chinese Are the Worst?: Human Rights and Labor Practices in Zambian Mining. *Maryland Series in Contemporary Asian Studies*, 3, 1—100.
- Scott, E. (2013). *China Goes Global in Egypt: A Special Economic Zone in Suez*. Stellenbosch: Centre for Chinese Studies.
- Shvetsov, A.N. (2017). Growth Points or Black Holes: How Efficient Are State Stimulation Tools for Territorial Development? *Regional Research of Russia*, 7 (2), 108—119. DOI: 10.1134/s2079970517020071
- Sigler, T.J. (2014). Panama's Special Economic Zones: Balancing Growth and Development. *Bulletin of Latin American Research*, 33 (1), 1—15. DOI: 10.1111/blr.12035
- Snidal, D. (1985). The Limits of Hegemonic Stability Theory. *International organization*, 39 (4), 579—614. DOI: 10.1017/s002081830002703x
- Sosnovskikh, S. (2017). Industrial Clusters in Russia: The Development of Special Economic Zones and Industrial Parks. *Russian Journal of Economics*, 3 (2), 174—199. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.06.004
- Starrs, S.K. (2018). Can China Unmake the American Making of Global Capitalism? *Socialist Register 2019*, 55, 173—200.
- Tantri, M.L. (2013). Trajectories of China's Integration with the World Economy through SEZs: A Study of Shenzhen SEZ. *China Report*, 49 (2), 227—250. DOI: 10.1177/0009445513491526
- Ter-Akopov, S.G. (2013). China's Special Economic Zones as Important Driver of Economic Growth. *Bukhgalterskii uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 24, 38—43. (In Russian).
- Wang, J.Q. & Li, B.L. (2013). Service-Oriented Government Building Research Based on the Background of the "New SEZ". *Applied Mechanics and Materials*, 380—384, 4461—4465. DOI: 10.4028/www.scientific.net/amm.380-384.4461
- Watson, A. (1992). *The Evolution of International Society*. London, New York: Routledge.
- Webb, M. & Krasner, S. (1989). Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment. *Review of International Studies*, 15 (2), 183—198. DOI: 10.1017/s0260210500112999
- Wei, X. (2000). Acquisition of Technological Capability Through Special Economic Zones (SEZs): The Case of Shenzhen SEZ. *Industry and Innovation*, 7 (2), 199—221. DOI: 10.1080/713670253
- Xuetong, Y. (2006). The Rise of China and Its Power Status. *The Chinese Journal of International Politics*, 1 (1), 5—33. DOI: 10.1093/cjip/pol002
- Zan, B. (2013). Zanzhong jingmao hezuoqu jianshe: pingtai zuoyong yu fazhan qianjing. *Guoji jingji hezuo* [The Construction of Zambia-Chinese Economic and Trade Cooperation Zone: the Role and Prospects of the Framework. *International Economic Cooperation*], 12, 19—23. (In Chinese)
- Zeng, D.Z. (2011). *How Do Special Economic Zones and Industrial Clusters Drive China's Rapid Development?* World Bank Policy Research Paper, 5583. DOI: 10.1596/1813-9450-5583
- Zeng, D.Z. (2015). *Global Experiences with Special Economic Zones: Focus on China and Africa*. The World Bank Policy Report Working Paper. DOI: 10.1596/1813-9450-7240
- Zeng, D.Z. (2016). *Special Economic Zones: Lessons from the Global Experience*. PEDL Synthesis Paper Series. No. 1. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/586f9727e5274a130700012d/PEDL_Synthesis_Paper_Piece_No_1.pdf (accessed: 12.12.2019).
- Zhang, X. & Booth, C.D. (2001). Chinese Bankruptcy Law in an Emerging Market Economy: The Shenzhen Experience. *Columbia Journal of Asian Law*, 15 (1), 1—33.
- Zverev, Y.M. (2015). The Kaliningrad Region's Industry, Problems and Prospects of Development and Restructuring in the Context of a Special Economic Zone (SEZ). *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 6 (6), 321—327. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n6s7p321

Сведения об авторах: *Несмашный Александр Дмитриевич* — стажер Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (email: alexnesmash@yandex.ru).

Никитина Юлия Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (e-mail: seminar-nikitina@yandex.ru).

About the authors: *Nesmashnyi Alexander Dmitrievich* — Trainee, Institute for International Studies, MGIMO University (email: alexnesmash@yandex.ru).

Nikitina Yulia Aleksandrovna — PhD in Political Science, Associate Professor, Department of World Politics, Leading Research Fellow, Center for the Post-Soviet Studies, MGIMO University (e-mail: seminar-nikitina@yandex.ru).